

*Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае, как на луг,
по которому ходят женщины и кони.*

Исаак Бабель. «История одной лошади».

*Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся
зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел
зов.*

Александр Грин. «Бегущая по волнам».

Павел вышел из самолета и словно попал в парную. Жара и влажность – дикая влажность, которую он, казалось, впитывал легкими и всей кожей – таким было его первое впечатление от Австралии. Когда он вылетал, в Москве шел снег.

Вместе с влагой он жадно впитывал запахи – запах дышащей земли, бензина, эвкалиптов, стриженных газонов.

Инженер Залман Шейнин оказался очень деятельным и суетливым. Он сразу начал рассказывать ему об Австралии и тут же потянул за рукав через дорогу, не обращая внимания на движущийся транспорт. На травяном островке стояли два деревянных идола – джентльмен и дама в широкополой шляпе.

– Обратите внимание, Павел – это наши первые переселенцы. Нужно запечатлеть. Становитесь тут, – Залман направлял его с проворностью пляжного фотографа.

Павел встал возле остроносой женщины и постарался как можно непринужденнее взять ее за деревянную руку.

– Я уже взял билеты в «Коала-парк» и на балет, а вы должны мне сказать, куда бы еще хотели поехать.

Он задумался.

Австралия жила какой-то своей тайной жизнью. Он не помнил, проводились ли здесь какие-нибудь известные дерби или гладкие скачки. Сюда наверняка не завозили потомков Мэнговара и Норзерн Дансера. Что здесь было? Австралии не существовало на его внутренней карте. Карта эта вообще давно отсутствовала в памяти. И вот неожиданно проявилась.

– На ипподром, – ответил Павел и взялся за ручку автомобильной дверцы.

– Хотите вести машину? – Залман смотрел на него с хитрой усмешкой и ждал.

– Извините, я не сразу сообразил.

Он обошел машину и сел на левое переднее сиденье.

Странно было ехать по встречной и видеть водителя справа.

Залман Шейнин был талантливым инженером, еще в советское время получившим несколько патентов в той области, которая интересовала Павла. Взяв за основу запатентованную Шейниным технологию, компания, на которую он работал, могла бы сооружать насосные станции, монтируя их из насосов ведущих зарубежных компаний. Они быстро ехали по ночному Мельбурну. На фоне сияющих огнями небоскребов пламенело гигантское колесо обозрения – впечатление было такое, будто оно только что оторвалось от пролетевшей здесь Колесницы Богов.

– Невероятно! Надо будет прокатиться. Составите мне компанию?

– А, ерунда, детская забава. Ехать ради этого в Докленд? Впрочем, если желаете. Угробили кучу денег на строительство, чуть ли не сто миллионов, а одной зимой жара была страшная – пожары тогда начались, так его повело – потом два года ремонтировали.

Откуда, откуда она взялась? Расплылась пятнами – замигали вдруг звездочки и строчки географических названий.

Первыми почему-то вспомнились лошади породы жемайчу. Однажды он был в Литве – и даже мысли не промелькнуло о них. А тут вдруг в Австралии.

В двадцатых числах каждого месяца он начинал по три раза в день спускаться к почтовому ящику в надежде увидеть там журнал – свежий, пахнущий типографской краской. В книжном ждал новых альбомов и открыток, на почте – марок.

Тогда и появился этот мир. Он собирал его, как пазл. Точнее – обнаружил себя в этом мире – как перед большой картой, где ипподром в Венсенском лесу обозначал Францию, а Кентуккийское дерби стало символом одного из штатов США. Ссылный конюх в амуничной читал им вслух стихи Языкова. Мир двигался, дышал, как грива его коня под дуновением ветра, разлетался, как весенняя грязь из-под копыт, казался бесконечным...

В окрасе двух собак, вертевшихся у въехавшей во двор машины, отчетливо выделялись черные седла на коричневых пополах – это были взрослые упитанные бигли.

– Теперь у нас мода пошла заводить по две собаки – мол, одной скучно, она впадает в депрессию. Вот этого я раньше взял, а ту пожалел – хозяева не могли больше держать, и я подумал, что моему будет компания.

Собак что-то отвлекло – они с лаем бросились на задний двор.

– Опоссумов гоняют. Ночью не уснешь от их лая, если не запереть. Вон, гляди – по забору поскакал, – Он явно привык к тому, что интересуется гостей с большой земли, поэтому даже не стал дожидаться просьбы.

– Завтра покажу. Правда, днем они спят, но мы разбудим.

Гостиная была обставлена в австралийском стиле – грубое дерево и кожа, маски, расчерченные пунктиром австралийских узоров, подставки для мелочей, заваленные книгами и сувенирами полки.

Залман вынул из холодильника ветчину, упаковку камамбера, оливки и бутылку вина.

– Оливки сам мариную, между прочим. Только не думай, что так похолостячки. Мы закусим, пока я плов разогрею.

Прежде чем свернуть дорожное пальто, Павел нащупал в кармане меню из самолета, которое хотел сохранить для жены, чтобы не забыть, как называлась рыба. Сейчас он еще помнил. Кус-кус и рыба дори. Но потом забудет.

Он аккуратно сложил пальто в чемодан.

Может, что-то сдвинулось в нем после длительного перелета, и только забравшись на такую высоту, он смог вдруг увидеть карту, которую когда-то потерял. Он откинулся, в кресле, поглощенный воспоминаниями.

Картинка с обложки.

Скромная прибалтийская девушка, расчесывающая гриву лохматого коня.

Он перечитывал репортажи с соревнований братских республик, составлял родословную Андорры, аккуратно рисуя ответвления от ее матери Альфы, дочки дербиста Фактотума, и отца, происходившего от Гранита II, к более далеким предкам. Веточки расплзались, как кровеносные сосуды. Делал он это торжественно, с трепетом, словно составлял родословные патриархов из Ветхого Завета.

Отслеживал с карандашом в руках развитие линии Нейтив Дансера, выяснял, как проявили себя в России потомки Галти Мора, привезенного сюда в конце прошлого века, и чем может проявить себя купленный в этом году стандартbredный Регби'с Стар. Осваивал диагностику плечевой хромоты и системы естественной вентиляции конюшен, пытался разобраться в значении инбридинга в чистокровном коннозаводстве.

Составлял списки чемпионов пород, заведя для каждой породы отдельную страницу, таблицы бегов далеких от него ипподромов, анализировал итоги скакового сезона и помнил наизусть цитаты знаменитых коннозаводчиков и тренеров. «Если от Пролива и Керамики родится жеребчик – быть ему знаменитым рысаком и производителем».

Он помнил это даже сейчас, как некоторые помнят псалмы Давида: «Если от Пролива и Керамики...». «От Пролива и Керамики...» – рокотали камешки у него на языке, как в горном потоке.

– Скажи, Паша, а ты баню любишь? Я тут часто захоживаю.

Залман нависал над ним и многозначительно глядел, как будто ожидал какого-то особого ответа.

– Как тебе сказать? В общем, не увлекаюсь. А зачем здесь баня? И так жарко.

Теплый февральский вечер, напоенный влагой. Шум эвкалипта за окном, лай собак, гоняющих проснувшихся к ночи опоссумов.

– Тогда завтра я тебя в гостиницу отвезу, а сегодня посидим, угощу тебя нашим австралийским вином.

Павел постепенно хмелел. Ему вдруг показалось, будто он остановился у таможенника Руссо. Необычные узоры из веток и листьев проступали на темном южном небе.

Где-то там, над обрывами грузинских гор, цепочкой брели тушинские лошади. Англия постепенно превращалась из страны Шерлока Холмса в страну Эпсомского дерби, трассу которого он мог нарисовать даже с закрытыми глазами. Хотя, зачем ему это было нужно? Отставной кавалерийский полковник, шелкая каблуками, приветствовал его в Швеции, а Москва была уж не Кремлем с зубчатой стенкой – так они рисовали его в начальных классах – а Тимирязевской академией, ЦМИ, Битцей и Музеем коневодства, по которому его водил сам Гуревич. Спортсменка Иветта в черно-белом костюме ехала ему навстречу по берегу Даугавы на жеребце латвийской породы. Чопорная Прибалтика переставала вдруг быть чопорной, когда на его внутреннем мониторе появилась девушка с белыми ресницами, расчесывающая гриву неказистой лошади породы жемайчу. И ему очень, очень, очень хотелось именно в эту Прибалтику, там, где утро, девушка с белыми ресницами, роса на траве и лошади.

Ипподром был совсем не таким, каким он его себе представлял. Он, скорее, напоминал большой аэровокзал, с регистрационными стойками, кафе, ресторанами. Застекленные трибуны были так далеко от скаковых дорожек, что лошади на них казались далекими-далекими. Все следили

за ходом заездов, глядя на огромные мониторы, которые были здесь повсюду.

Они устроились за небольшим столиком. Залман вспоминал, как с помощью огромной микроволновой установки делал изоляцию толстого провода. Он все говорил и говорил – и Павлу казалось, что Шейнин просто провожает его в аэропорту, а лошади где-то далеко, совсем не здесь, и не имеют к этому месту никакого отношения.

– Все разбежались, осталась только одна женщина, – Павел едва улавливал отдельные фразы из его рассказа.

Он смотрел через стекло, как вдалеке скачут лошади.

Через Алтай и Карачаево-Черкессию пролегли конные маршруты, навсегда привязывая Кавказ к Азии. Он теперь хорошо отличал друг от друга республики, которые раньше путал. Туркмения была вотчиной ахалтекинцев, а в Таджикистане разводили курчавых локайских лошадей.

Европа тоже теперь находилась совсем рядом. В Чехии шумел Большой Пардубицкий стипль-чез. Дворцовые лошади Копенгагена выстраивались на плацу для парадного выезда королевской семьи. Он следил, как разыгрывали Приз Триумфальной Арки на Лоншанском ипподроме, как проходили итальянское Дерби в Риме и гладкие скачки в Ирландии.

А вот Австралия... Австралия жила своей отдельной жизнью. И он вдруг отчетливо понял, что никогда ее уже не узнает. А карта, всплывшая так неожиданно, навсегда скроется в памяти.

– А, ерунда, детская забава! Давай уже, сделаем ставку и идем отсюда.

Он, может быть, и хотел что-нибудь возразить, но у него уже не было желания спорить. В конце концов, Залман был единственным человеком, с помощью которого они могли воплотить в жизнь идею создания сверхмощных насосных станций. Насосные станции будут получаться у них, как ни у кого.

Сияющий мир покидал его, выцветал в отражении стекла. Последней исчезла девушка, расчесывающая гриву низкорослого лохматого коня с широкими копытами.